



ПОСЛЕДНИЙ
ЧЕЛ  ВЕК

ПОСЛЕДНИЕ
СТАНУТ ПЕРВЫМИ

ЕЛЕНА АРИФУЛЛИНА



Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А81

Дизайн обложки: *Диана Бигаева*

Арифиллина, Елена Юрьевна.
А81 **Последние станут первыми:** [роман] / Елена Арифиллина.— Москва: Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», 2024.— 320 с.— (Последний человек).

ISBN 978-5-17-161504-8

В провинциальном городке на юге России душевнобольные внезапно обретают сверхспособности, а обычные люди, наоборот, лишаются разума. Город охвачен хаосом. Психиатр Вера готова пойти на всё, чтобы спастись самой и спасти сына своего погибшего возлюбленного. Но ей противостоят Шестеро — таинственные и всеильные повелители города безумцев...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-161504-8

© Елена Арифиллина, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Моим учителям —
с уважением и благодарностью

Беги отсюда и скажи потом:
Он спас меня в безумии своем.
У. Шекспир. *Ромео и Джульетта*¹

¹ Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Большую часть жизни я провела в сумасшедшем доме. Там бы мне и остаться... Да, конечно, я открывала трехгранкой дверь с надписью «служебный вход» и захлопывала ее за собой, выходя в мир обычных людей. Но чем дальше, тем больше хочется вернуться туда, в старое трехэтажное здание на окраине далекого города, и остаться там надолго — может быть, навсегда. Я даже место заранее облюбовала: женское отделение, девятая палата, койка в правом углу, у окна. Оттуда видно клумбы во дворе — за ними ухаживают упорядоченные больные. А прямо под окном растет огромный старый ясень. Осенью он весь золотой. И сейчас, наверно, растет — если его еще не спилили. А может, попаду в палату для своих: двухместную, с красной ковровой дорожкой. Если она еще не занята. Если меня еще помнят.

Андрей погиб два года назад. Я не была на похоронах, не видела его мертвым. Может, это и к лучшему. Он остался для меня живым: с маленьким шрамом на правой брови, серо-зелеными глазами, привычкой закусывать нижнюю губу, когда задумывается. С внезапно возникающим тиком на правой щеке: послед-

ствия контузии, полученной, когда его группа попала в засаду где-то в горах. Где — я так и не узнала. Он служил в спецназе и о подробностях службы не распространялся. Просто исчезал куда-то и появлялся вновь, похудевший и осунувшийся. Между этими исчезновениями успевал слетать к матери и сыну Димке. А остальное время проводил со мной, и ради этого времени я и жила. Копила отгулы, брала часть отпуска, благо он у психиатров большой.

— Слушай, давай перебирайся к моим, на юг. Надоело мотаться туда-сюда через полстраны,— сказал он однажды ночью.

— А работа?

— Поищу. Давай спать, ты же после дежурства.

Работа нашлась только в поликлинике, в маленьком городке, недалеко от которого в деревне жила мать Андрея с Димкой.

Андрей собирал документы на увольнение, мы строили планы, как поженемся, заберем Димку от бабушки и заживем втроем. Предстояло еще получить «боевые», выбить из Министерства обороны жилье...

Андрей не вернулся из командировки, и наш воздушный замок беззвучно рассыпался, растворился, растаял. Осталась грубая реальность: подвал, где я живу на птичьих правах,— и конца этому не видно. Мы не успели пожениться, я была и осталась Андреем никем. Пока он был жив, нас это не волновало. Мы любили друг друга как в последний раз — и он правда оказался последним.

Иногда кажется, что я умерла вместе с Андреем. Два года слились в одно сплошное темное пятно, и я с трудом вспоминаю, что же произошло за это время.

Почти ничего. Живу, работаю, сплю, ем. Адекватно отвечаю на вопросы. Иногда замечаю, что пошел снег. Расцвели каштаны. В лужах появились сухие листья.

В наш подвал солнце почти не проникает. Сейчас это и к лучшему: на улице июльское пекло. Зимой холодно и сыровато, зато коммуналка близка к нулю. Платим только за свет — по общему счетчику. И на работу ходить близко...

Чем еще можно утешить себя, живя в подвале — и то из милости? Захочет администрация и выпрет нашу «Воронью слободку» отсюда в два счета. Травматолог Илья проговорился как-то, что в ответ на заявление о выплате «экстренных», зависших с позапрошлого года, ему намекнули, что из подвала можно и вылететь — «как врач, вы понимаете, что помещение непригодно для жилья». Ну да, прямым текстом намекнули. Либо помалкивай и делай встречные уступки — либо уматывай на съемную квартиру. А что, тоже вариант, вот только придется сидеть на одних бомж-пакетах.

Я приехала сюда к Андрею, и житье в подвальной коммуналке было сугубо временным. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Что меня держит — здесь, в этом городе — и вообще в жизни? Димка, только Димка. Все, что осталось от Андрея. Единственное доказательство, что он был, жил на этом свете тридцать восемь лет, два месяца и семнадцать дней. Нельзя же считать таким доказательством казенный памятник с непохожим портретом. Я уже старше его, хотя родилась на полгода позже — день в день. Мы даже отметили вместе день рождения, мой — вперед, про запас. Он оказался

последним. Больше я его не отмечала. Да и жила ли я эти два года? Не знаю.

Не нужно быть великим диагностом, чтобы поставить диагноз в моем случае. Я его и так знаю. Реактивная депрессия, затянувшееся течение. Похорошему, давно пора лечь в стационар, а после выписки продолжать пить антидепрессанты — курсами, под контролем врача. Психотерапия, режим труда и отдыха. Курорты. Любовника завести — в рамках курса физиотерапии и чтобы отвлечься. Спорт, хобби — ну, из бисера плести, крестиком вышивать, открытки делать.

Вместо этого я живу в подвале, работаю на износ, в отпуске подрабатываю. И какой динамики можно ожидать? Убивать надо таких пациентов. Может, в этот отпуск поехать домой, на Север? Полежать у Тамары в отделении невротиков — она хороший врач, дотошный и внимательный.

Понятно, что никуда я не поеду. В отпуске опять буду подменять Михалыча в доме-интернате. Димка вырос из всего прошлогоднего и до школы вырастет еще, а пенсию за Андрея Наталья Николаевна одержимо копит. Что ж, может, она и права, Димке еще учиться.

Сегодня у меня профдень. Активы. Попросту говоря, посещение на дому неходячих инвалидов для переосвидетельствования. А значит, можно встать попозже. Пойти прогулочным шагом, разглядывая прохожих. И рядом со мной, невидимый для них, пойдет высокий человек с обманчиво расслабленными движениями и пружинящей походкой. Нам всё было хорошо вдвоем: засыпать и просыпаться, говорить и

молчать. Вот и помолчим. А поговорим потом — во сне. Лишь бы он мне приснился.

Летний день, узор теней на асфальте, плетущиеся по заборам частных домов розы — каким чудом они были для меня после переезда. Я ходила по городу пьяная от счастья, радуясь всему окружающему. Пока главврач не выделил мне комнату в подвальной «Вороньей слободке», мы с Андреем жили на съемной квартире. До сих пор трудно проходить мимо того дома, смотреть на окно, видимое с улицы,— второе сверху, третье слева. Хорошо, что поблизости никто из моих больных не живет.

Розы все так же цветут на клумбах и заборах, сияет летний день, воздушный змей порхает на ветру, мальчишка деловито поджигает дорожку тополиного пуха... Жизнь идет своим чередом — мимо меня, без меня, а я будто смотрю на нее сквозь толстенное, густо запыленное стекло. Оно съедает краски и глушит звуки, но мне все равно. Андрей здесь, со мной, по эту сторону стекла, и мне все равно, что делается с другой стороны. По необходимости я выбираюсь туда, наружу: к Димке или к больным — словно лазутчик из осажденной крепости, через потайную дверь в городской стене. Никто не замечает, что я топлюсь обратно в свой мир, где Андрей жив и скоро вернется. Ведь он всегда возвращался ко мне, что бы ни случилось.

Если у больного хоть частично сохраняется критика — вот как у меня, к примеру,— прогноз более или менее благоприятен. Врачи тоже болеют: сваливаются с инфарктом кардиологи, цепляют всякую дрянь инфекционисты, поступают по неотложке с

аппендицитом хирурги. Ну да, и психиатры тоже сходят с ума. Пусть я не Кандинский¹ и не Клерамбо. Не назовут в мою честь синдрома, и черт с ним. Только очень уж больно жить, и время совсем не лечит.

На автобусной остановке пополнение. К трем старушкам, которые здесь сидят каждый день, продавая всякую всячину — зелень со своего огорода, герань и столетник в пластиковых ведерках из-под майонеза, — прибавилась еще одна. Хрупкая, с аккуратно уложенными седыми букольками. На картонном ящике из-под яиц разложены связанные крючком кружевные воротнички, набор мельхиоровых ложек, горшок с розовой фиалкой и несколько книг. Бросились в глаза вписанные в овал на синем ледерине слова: «Рэй Брэдбери». Я механически прочла заглавие, но не сразу поняла, что же пытались донести до моего сознания полинявшие серебристые буквы.

Короткое предупреждение: «Что-то страшное грядет».

По спине холодными лапами пробежал озноб, на секунду показалось, что летний день померк, как перед грозой.

Старушка молча смотрела мимо меня — в пространство, и я почему-то почувствовала себя виноватой. Купить что-нибудь? Но впереди целый день беготни по городу, да и денег в обрез. Ладно, не

¹ В. Х. Кандинский — русский психиатр. Страдал шизофренией. Использовал самонаблюдение для анализа и описания клиники этого заболевания. Описанный Кандинским и французским психиатром Г. Г. де Клерамбо синдром психического автоматизма назван в их честь.

последний раз я на этой остановке. И выживет ли фиалка в моем подвале?

Подошел почти пустой автобус, я устроилась у окна и закрыла глаза.

Мелькание света и тени от развесистых старых тополей, которыми была обсажена улица, ощущалось даже из-под закрытых век. Утреннее солнце еще не жгло, а ласково грело, ветер обдувал лицо. На минуту пришло ощущение мира и покоя — и тут в уши ввинтился оглушительный неразборчивый ор.

Это были гуси. Самые обыкновенные гуси табунком бежали впереди автобуса. Кто-то забыл запереть ворота, и вожак вывел стаю пастись на зеленой траве. Они явно не успели перейти улицу и сейчас с паническим гоготом бежали вперед, хлопая крыльями. Улица шла под уклон, водитель никак не мог притормозить, и брнчащий всеми дверями старый автобус догонял орущих птиц.

Белые перья летели по ветру, одно залетело в окно и порхало в салоне автобуса, словно выпало из крыла ангела-хранителя, вышедшего на предыдущей остановке.

Вожак остановился, грозно зашипел, распахнул крылья и вытянул шею. Он прикрывал бегство остальных, как положено вожаку, и не собирался отступить. Шофер наконец затормозил. Вожак с достоинством удалился вслед за стаей, которая дисциплинированно ждала его на обочине.

— Вот же тварь безмозглая! — зло рявкнул шофер.

— Точно, безмозглая, — ответил пожилой мужик с ведром помидоров. — Это Зины Востриковой гуси.

Зинка без царя в голове, вечно у нее все нарасташку.
А про гусей ты зря, гусь птица умная...

Водитель что-то буркнул в ответ.

От больницы до центра — пять остановок. Выйдя на Комсомольской, я свернула в крохотный сквер, чтобы срезать угол, и попала в царство мамаш с детворой. Малышня деловито роилась на детской площадке, матери болтали между собой, зорко поглядывая на пестрые стайки детей.

Вид чужого беззаботного счастья причинял такую боль, какой я не ожидала.

Активы я начала трусливо — с самых легких. И еще более трусливо оправдывала себя тем, что эти адреса ближе, да и больные не мои — хирурга и невропатолога. Сама я знала, что это не вся правда, и привычно презирала себя за это.

С Антоном Гальпериным я познакомилась год назад, по объявлению в Интернете. Десять лет из своих шестнадцати он провел в инвалидной коляске, но отказывался с этим смириться. Он жил полной жизнью: учился, строил планы на будущее и работал. В реконструкторских кругах Антон был известен под ником Велунд. Нет, мечей он не ковал, но кольчуги делал отменные. Последним его творением был великолепный хауберк, счастливый обладатель которого прорекламировал своего оружейника так, что после фестиваля клиенты повалили валом. Мне повезло: успела втиснуться перед ними, и сейчас Велунд работал на меня — вернее, на Димку. Моей стратегической целью было их познакомить. Любой мальчишка нуждается в мужчине, с которого можно «делать жизнь».

А Антон, несмотря на увечье и неполные шестнадцать лет, был настоящим мужчиной. Димка обожал отца — боевого офицера с орденами и нашивками за ранения, гордился и восхищался им. После его смерти замкнулся, нехотя принимал суетливую заботу бабушки и неожиданно потянулся ко мне — наверное, потому, что на мне лежал отсвет Андрея.

Я исподволь пыталась занять его то тем, то другим, пока не нащупала правильный путь, подсунув ему Толкиена. Димка ушел от своего горя в мир битвы за Кольцо Всевластия, и я надеялась, что он вынесет из книги нечто большее, чем квест.

Незадолго до смерти отца Димке исполнилось девять лет. Тогда он был настоящим Томом Соьером — неугомным фантазером, постоянно играющим во что угодно. Был у него и свой Гек Финн — сосед Лешка. Одноклассник, сын безобидной пьянчужки Насти, он тянулся к Димке потому, что тот жил в другом мире, где были книги, горячие пирожки и нечто невероятное — отец. И к тому же не деревенский безработный пропойца, а офицер, спецназовец, почти супермен...

Сейчас они оба безотцовщина. Но расстановку ролей в паре это не изменило. Димка по-прежнему остался ведущим — может, потому, что сиротство его не сломало. Да, он несет Кольцо в Лотлориэн и сражается в великой битве у стен Минас-Тирита, но учится лучше всех в классе, подтягивается пятнадцать раз и делает ощутимые успехи в английском. Они с Антоном наверняка понравятся друг другу.

— Да! — ответил искаженный голос из домофона.

— Антон, это я.

— Ага, Верпетровна, заходите.

Коляска, на которой разъезжал Антон, была самой дорогой вещью в доме. Годами работавшая на массажистов и хиропрактиков мать Антона смирилась с ситуацией несколько лет назад. Но Антон растёт, и скоро понадобится следующая коляска. На нее он и зарабатывал, как проговорился однажды.

Эта пара, Антон и его мать, вызывала у меня беспомощное восхищение. Здесь не было разлитой в воздухе безнадежности, как во многих других домах, где есть инвалиды. Эти двое не несли свой крест — просто жили.

— Как дела, Антон?

— Нормально, Верпетровна, работаю. Через неделю будет готова. Показать?

— Конечно!

Кольчуга выглядела пленительно настоящей. Впечатление не портила даже старая Димкина футболка, позаимствованная мной на образец. Поправка на вырост и на стеганый поддоспешник — и его пора заказывать! — делала ее пригодной не столько для невысоклика Фродо, сколько, пожалуй, для Леголаса. И для Айвенго, Роланда, Сигурда...

— Ну как?

— Здорово, слов нет! Хоть на «Мосфильм» устраивайся реквизитором.

— Я об этом думал. Хотите, фотки покажу?

Я согласилась, малодушно оттягивая время. Не горит, если к кому-то сегодня не успею, посмотрю потом. Здесь я грелась, набираясь сил жить дальше. Спокойное мужество Антона напоминало об Андрее.

Антон налил мне чаю из термоса, пододвинул вазочку с печеньем и включил ноутбук.

— Вот эта — на заставку сайта.

Здоровенный белобрысый детина в хауберке работы Антона смотрелся великолепно. Боевой топор занесен над головой, рот раскрыт в беззвучном крике — воплощение ярости.

— Что же они разыгрывали?

— Битву при Гастингсе. Дэн был Гиртом Годвинсоном.

— Так его же убили.

— А Дэну какая разница?

Мне стало неловко. Антон посматривал на инструменты и аккуратно сложенные заготовки для колец. Я нарушаю его планы, но хорошее воспитание не позволяет ему это сказать — как-никак я в матери ему гожусь.

Если бы я была способна иметь ребенка, то хотела бы, чтобы он походил на Антона. Андрей все знал, но ему было безразлично, могу я родить или нет. Димка у него уже был.

— Не бери в голову. Поженимся, будем жить вместе постоянно — наверняка забеременеешь. Так часто бывает.

— Ты-то откуда знаешь?

Он только пожал плечами.

Воспоминание было таким болезненным, что захотелось уйти, отвлечься на что-нибудь. Я поспешно допила чай и поднялась со стула.

— Ну, Антон, я пойду. Маме скажи, что бумажки заполню.

— Хорошо, Верпетровна, спасибо.